Ленин и его партия.

Л. Б. КАМЕНЕВ

ЛЕНИН И ЕГО ПАРТИЯ

МОСКВА • 1924 • КРАСНАЯ НОВЬ

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

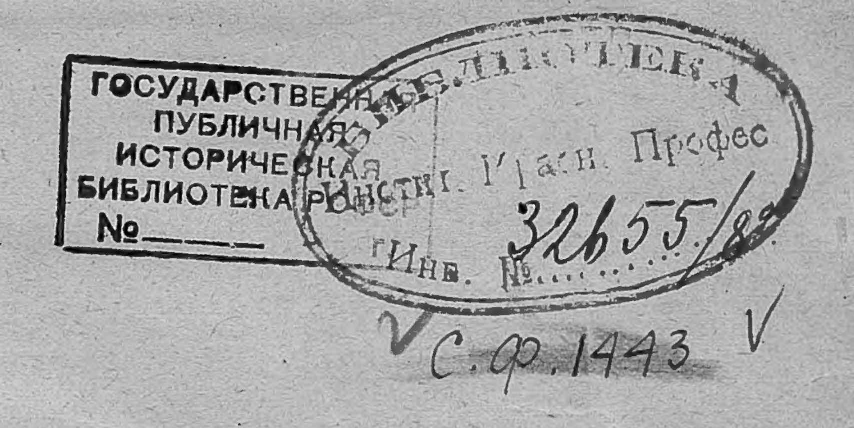
Ленин и его партия 5

Ленин 55

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Б. КАМЕНЕВ.

ЛЕНИН И ЕГО ПАРТИЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА—1924

6-я типо-литография
„ТРАНСПЕЧАТИ“
Б. Переяславская, 46

Главлит № 20695.
Тираж 150.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Это — не биография Ильича и не история ленинской партии. Это лишь попытка рассказать рабочим-ленинцам о Ленине. Пусть старые бойцы, читая этот рассказ, вспомнят те бои, которые они вели под руководством Ильича. Пусть молодежь на этом рассказе учится вести войну за дело рабочего класса „по-ленински“. Пусть ленинцы—и старые и молодые—еще раз скажут себе: нам нельзя не победить; нам нельзя проиграть великой войны за коммунизм, начатой под знаменем Ильича. Нам надо биться до конца за победу ленинизма, под знаменем ленинизма, во имя ленинизма, во имя пролетарского коммунизма.

В основу моего рассказа положена речь, сказанная мной 1918 году, после покушения на Ильича.

Л. Каменев.

I.

Владимир Ильич стоял за все время своей сознательной жизни в центре рабочего движения, сначала в России, а затем и во всем мире. И вместе с тем он неразрывно связан с той историей революционного движения в России, которая предшествовала рабочему движению, предшествовала тому моменту, когда в революционном движении России победила теория научного социализма, теория марксизма. Рассказ о Владимире Ильиче неизбежно превращается в рассказ о всем ходе революционного рабочего движения в России и во всем мире за последние полстолетия.

Владимир Ильич родился 23 апреля 1870 г. Ему было 17 лет, когда царь Александр III приказал повесить его старшего брата Александра Ильича.

Брат В. И. Ульянова, Александр Ильич Ульянов, не был марксистом. Он характеризует историю революционного движения в России в тот переломный момент, когда старые революционные партии разочаровались в методах борьбы, прежде проповедывавшихся, и когда стал зарождаться в России марксизм. До нарождения рабочего революционного движения в России знамя революции держала в руках интеллигенция, и эта революционная интеллигенция, выдвинувшая из своей среды мужественных и героических борцов за народную волю, испытала в своем развития два этапа.

Когда впервые в России народился слой людей, большей частью из так называемых разночинцев, сыновей мелкопоместных дворян, чиновников, мелких купцов, иногда сыновей крестьян, которые прошли через университеты и научились там в дружеской среде свободного, тогда еще революционного студенчества,

ненавидеть царизм, научились по книгам западно-европейских социалистов понимать, что такое социализм, они поставили перед собой задачу осуществить свободу и социализм в России. Естественно, что они сразу обратили свое внимание на широкие слои крестьянства. Рабочий класс тогда в России был еще очень малочисленен, промышленность была очень слабо развита. Россия представляла собой тогда земледельческую страну с очень слабо развитыми городами, с очень слабым и малочисленным фабрично-заводским производством, страну, которая только два десятка лет как вышла из крепостного рабства. И вот эти идеалисты, молодые революционеры, построили себе такую теорию, что если бы до сведения крестьян довести, кто мешает им свободно жить и осуществлять социализм, если бы можно было крестьянам рассказать их истинные интересы, то тогда крестьяне, несомненно, немедленно подняли восстание и свергли бы царизм. Эти молодые революционеры отправились тогда в народ и создали целое движение, которое так и называлось „хождением в народ". Они отправлялись с пропагандистскими целями, с целями агитации, иногда с целью непосредственно поднять крестьянские бунты. И очень скоро они убедились, что крестьянство, только что вышедшее из-под ярма крепостничества, только что увидевшее свободу, распыленное, разбросанное, политически-неграмотное, что это крестьянство не откликается на призыв этих революционеров. Эпоха хождения в народ начала 70-тых годов кончилась крахом. Крестьянство не оказалось способным, и в тот момент не могло оказаться еще способным, поднять всероссийское крестьянское революционное движение против царизма.

Наступил перелом во мнении этой интеллигенции, и она пришла к такому выводу, что если сами народные массы неспособны подняться против царизма, то интеллигенция сама должна взять на себя задачу ниспровергнуть царизм и расчистить дорогу крестьянским массам, которые тогда по этой дороге прямо и свободно могут направиться по пути к социализму. Но как небольшая группа интеллигентов могла осуществить эту задачу? Как могла бороться с царизмом небольшая группа, оторванная от масс, не находящая в массах боевой поддержки? Совершенно естественно, что тогда возникла теория и практика террористичесиой борьбы, теория и практика такой

борьбы, в которой царизм и интеллигенция противостояли друг другу, как бойцы. Интеллигенция стремилась рядом террористических ударов по виднейшим представителям царизма ниспровергнуть самый царистский строй. Был совершон целый ряд террористических актов, которые завершились казнью Александра II. Героическая и великая в истории не только русского, но и всемирного революционного движения партия Народной Воли во главе с теми: — Желябовым, Перовской, Халтуриным, — которым теперь мы, восставший революционный пролетариат, ставим памятники, взяла на себя эту мученическую роль расправиться с грабителями и эксплоататорами народа в лице царизма. Они свою задачу выполнили. Они наказали и казнили целый ряд генералов, целый ряд охранников и завершили это казнью Александра II 1-го марта 1881 г.

Но надежды их не оправдались. Окозалось, что когда Александр II пал, как жертва своего собственного жандармского усердия, когда трон очистился, то все-таки не создалось нового широкого массового революционного движения, а трон был занят его сыном, Александром III, и реакция еще более усилилась. Те героические интеллигенты, революционеры и демократы, которые думали, что убийством царя и нескольких генералов можно разбудить широкие крестьянские массы, были разбиты, большинство из них повешено, часть заключена в Шлиссельбург и там погибла, а революционного движения не получилось.

Оказалось, что их теория неправильна. Оказалось, что, несмотря на весь свой героический и революционный пыл, несмотря на самые лучшие свои пожелания, они не нащупали той правильной дороги, идя по которой можно разбудить к политической жизни, пробудить к восстанию широкие массы русского народа.

В этот момент начинается разлад среди революционной интеллигенции. С этого момента она видит крах своей старой теории. Она сунулась в народ, к крестьянам, но крестьяне ее не поняли. Она попыталась сама, один на один, сразиться с царизмом, но из этого не вышло революционного движения. Вся русская революция уперлась в тупик. Надо было найти какие-то новые методы, надо было как-то иначе представить себе ход революционного движения в России, нужно было нащупать среди общественных классов России какой-нибудь

новый рычаг, опираясь на который можно было бы не только свергнуть царизм, но и уничтожить буржуазную эксплоатацию.

В этот момент, на этом переломе, когда старые задачи и теории потерпели крах, а новых еще не народилось,—в этот момент началась сознательная жизнь Владимира Ильича. Вступил он в эту жизнь, сознательную жизнь, под руководством брата своего, Александра Ильича.

Ал. Ил. принадлежал к той группе революционных интеллигентов, которые, несмотря на то, что попытка 1-го марта 1881 г. была задушена в крови и на виселицах, сделали еще одну попытку наказать следующего царя, Александра III,—сделали последнюю героическую попытку еще раз сразиться один на один с царизмом и сбросить его. Он был человеком, подававшим великие надежды в смысле будущего ученого. Профессора (он учился в старом Петербургском университете) предрекали ему громадную научную деятельность. Но в тот момент, когда наиболее видные борцы погибали на виселицах или были замуравлены в Шлиссельбургской крепости и погибли там, когда вся интеллигенция разбилась, когда у нее опустились руки, когда она не знала, как же продолжать революционную борьбу,—Ал. Ил. Ульянов отказался от жизни ученого, он взял на себя задачу вновь собрать рассыпанные ряды, собрать хоть маленькую группу лиц, которые опять подняли бы знамя революционной борьбы. Он образовал в Петрограде группу из студентов и нескольких рабочих и поставил перед собой задачей казнь Александра III, в это время вполне показавшего уже себя, как ярого сторонника реакции, как царя помещиков и буржуазии. В тот же день, когда был казнен Александр II, 1-го марта, но через 6 лет, т.-е. 1-го марта 1887 г., во главе группы террористов брат тов. Ленина вышел на улицу Петербурга с бомбами в руках, бомбами, сделанными в виде книг, чтобы не давать подозрения царским ищейкам, с целью бросить эти бомбы при выезде Александра III. В их группе был провокатор. Когда они вышли на улицу, они были схвачены, и брат Владимира Ильича и еще несколько товарищей через несколько дней были повешены. Попытка покончить с самодержавием усилиями героической группы интеллигентов и передовых рабочих окончилась вновь неудачей, и это был последний удар по той теории, которая предполагала, что можно покончить с царизмом силами небольшой группы революцион-

ной интеллигенции. И сам Ал. Ил., брат Влад. Ил., не был уже чужд той великой науке, которая показывала, где же, действительно, искать путей к освобождению рабочего класса. Он первый указал Влад. Ильичу, нашему вождю, ту великую книгу, изучая которую не только русский, но и мировой пролетариат нашел путь к своему освобождению. В руках этого мученика свободы, повешенного брата, Владимир Ильич, тогда еще молодой гимназист, видел книгу Карла Маркса „Капитал". Несколько лет Владимир Ильич отдал на изучение этой книги. В тот момент, когда с казнью его брата окончательно были развенчаны теории, которыми руководилась старая революционная интеллигенция и партия Народной Воли, когда у всех опускались руки, когда казалось, что русский царизм, опираясь на буржуазную реакцию всего мира, снабжавшую его через Парижскую биржу деньгами, непобедим, что он вечен, что он захватил всю Россию в свои руки и держит ее, не разжимая своего жандармского кулака, — в этот момент Влад. Ил. начинает изучать теорию научного социализма, теорию восстания пролетариата, теорию освобождения угнетенных, и через несколько лет он приходит к убеждению, что есть, однако, в России сила, способная повести борьбу против царизма и повести ее более успешно, чем партия Народной Воли, попытки которой были разбиты.

II.

За несколько лет до того, как Владимир Ильич здесь в России стал изучать теорию революционного марксизма, несколько старых русских революционеров, во главе с Г. В. Плехановым, потеряв надежду на возможность непосредственного широкого, массового революционного движения в России, уезжают за границу и там тоже начинают изучать революционную науку Маркса. В 1883 г., через два года после того, как партией Народной Воли был казнен Александр II, за границей Г. В. Плеханов вместе с В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом и Л. Г. Дейчем образовывают группу „Освобождение Труда", которая ставит себе задачей пропаганду научного социализма. Владимир Ильич рассказывал, что, когда он, наконец, в своем захолустье (учился он в Казани) пришел к убеждению, что марксизм есть единственная теория, действительно освобождающая пролетариат не только от гнета царизма, но и от гнета буржуазии, когда он убедился в том, что дальнейшее развитие революции в России возможно только тогда, если в основу революции положить движение рабочего класса, — он задался вопросом, есть ли еще где-либо в России группа лиц, которые тоже пришли бы к такому убеждению.

Время было самое страшное, самое темное. Крестьянство, задавленное недоимками, урядниками, земскими начальниками, стонало под гнетом царизма, но не было способно ни к какому организованному массовому движению. Пролетариат только что начинал создаваться. Интеллигенция, разочарованная после неудачных попыток террора, после того, как была разбита партия Народной Воли, и считавшая, что рабочий класс слишком мал в России и что возлагать надежду на рабочий класс, значит откладывать революцию очень надолго, — эта интеллигенция про-

никлась недоверием ко всякому массовому народному движению и, вообще, к революции. Была полная и глухая пора реакции.

И вот в это время, в начале 90-х годов, в 1893—4 году, Влад. Ил. предпринимает поездку по России с специальной целью разыскать по всему лицу земли русской таких передовых интеллигентов или рабочих, которые, сплотившись, образовали бы первую группу действительных работников марксизма, действительных работников коммунизма. Он объезжает Россию, ее промышленные центры, и понемножку в разных местах он находит эти передовые группы рабочих и интеллигентов, тоже пришедших к убеждению, что все будущее революции опирается только на рабочий класс и что только та партия действительно ниспровергнет царизм, действительно будет работать в интересах социализма, которая сумеет связаться с рабочим классом.

Теперь нам кажется очень простым, теперь мы высмеяли бы каждого, кто усомнился бы в революционных возможностях и в революционной энергии рабочего класса. Тогда же это казалось не так. Тогда на этих нескольких людей, которые стали проповедывать в России идею борьбы рабочего класса, смотрели, как на фантазеров, как на сказочников, которые выдумали рабочий класс в крестьянской стране, которые надеются, что рабочий класс произведет революцию,— над ними смеялись. Старые революционеры, хранившие традиции народников, народовольчества, говорили: — это безумные люди, они хотят строить на песке, на рабочем классе, которого почти нет в России. Но эти люди, во главе с В. И. Лениным, опираясь на теоретическую работу, произведенную за границей группой „Освобождение Труда“, не покладая рук, принялись за новые задачи. Работа в первое время казалась очень будничной, элементарной и простой, и ничего революционного как будто в себе не имела. Когда эти передовые товарищи, рабочие и интеллигенты, во главе с Лениным, задались целью создать массовую организацию рабочего класса, — они встретились с пролетариатом, в котором политическая мысль была очень слабо развита, в котором даже сознание экономических интересов было очень не развито. Пролетариат не чувствовал себя единым, пролетарий не сознавал себя членом одного класса, раз-

бросанного не только по всей России, но и во всем мире. Перед каждым пролетарием в отдельности стояла маленькая, как будто, задача,— как бы улучшить свое положение на фабрике, как бы прекратить штрафы, как бы повысить свою заработную плату и сократить свой рабочий день. И вот с этого-то и начал В. И. Ленин.

Теперь, когда коммунистическая партия России, созданная Лениным, стоит во главе мирового пролетариата, когда каждый день несет нам известия о новых революционных потрясениях, когда мы видим, как рабочий класс молотом своим выковывает новую землю,—какими мелочами, какими буднями кажется нам та работа, с которой начал Влад. Ил. Начал он с того, что обходил фабрики, собирал сведения по заводам, собирал у себя, в студенческой комнатушке, осторожно, конспиративно несколько рабочих, которые рассказывали о притеснениях, штрафах, проделках мастеров, писал листки, которые печатались в тайных типографиях и в которых обсуждались эти вопросы. Тогда это был единственный путь к тому, чтобы пробудить в пролетариате сознание его классовых интересов и объединить отдельные пролетарские единицы в общей борьбе. И тут сказалась одна из величайших черт Влад. Ил—ча.

В черной работе, связанной с разоблачением фабричных недостатков и злоупотреблений, он уже провидел громаднейшую революционную, мировую роль, которую сыграет пролетериат. Он пошел на эту маленькую работу, потому что он знал, что на этой маленькой работе возрастает та сила, которая некогда перевернет весь мир, и в нем замечательна та черта, что во имя этой великой цели он способен был весь сосредоточиться и всю энергию употребить на писание листков о фабричных злоупотреблениях, которые потом в клозетах читались тайком рабочими. В этом сказалась великая черта доверия к революционной энергии рабочего класса. Он знал, что раз рабочий класс начнет сознавать несправедливость капиталистического мира, хотя бы на такой частности, как штраф, или какое-нибудь злоупотребление мастера, то эта мелкая экономическая борьба, развиваясь и разворачиваясь, превратится в борьбу не против отдельных злоупотреблений капиталистического строя, а против всей буржуазной эксплоатации в целом. Эта мелкая невидная работа, на которой Влад. Ил. собрал тогда передо-

вых рабочих Петербурга, привела к созданию первой рабочей организации в России.

Вместе с такими передовыми рабочими, как т. Бабушкин, рабочий, который одним из первых вошел в кружок Ленина и затем в 1905 г. был расстрелян ген. Ренненкампфом в Сибири, где он поднял восстание среди красноярских рабочих, с другим рабочим, Шелгуновым, который сейчас живет среди нас, потеряв в ссылках и казематах царизма глаза, — он слеп теперь, — на конспиративных квартирах, в которых собиралось несколько отдельных рабочих с разных заводов, собрав вокруг себя этих выдающихся рабочих и несколько интеллигентов, Влад. Ил. основал в Петербурге первую рабочую организацию, широкую и массовую, на основах научного социализма, которая назвалась тогда „Союз борбы за освобождение рабочего класса". Этот „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", как я вам говорил, ставил своей целью поднять движение пролетариата не только за политическое освобождение от царизма, но и за освобождение его от капитализма, за социализм. Но практическую работу он должен был вести на самых мелких фактах обычной повседневной жизни рабочего класса. В этом сознании великой революционной роли, которая предстояла этим „союзам борьбы за освобождение рабочего класса", начавшим с помощи рабочим в каждой мелкой обиде, в каждой несправедливости по отношению к рабочим и закончившим освобождением рабочего класса в целом, — в этом сознании и была великая революционная сила нашего вождя. В конце 1895, а потом в 1896 г. агитация ленинского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса" приобретает такие размеры и такой размах, что впервые в Петербурге разражается громадная стачка текстильных рабочих, стачка, в которую было вовлечено 40 тысяч рабочих. И опять-таки, нам не только теперь, но уже после 1905 г. 40 тыс. бастующих рабочих кажутся сравнительно мелочью. Но не так было тогда, в 1895 г. Тогда эта стачка сыграла громадную революционную роль, потому что, во-первых, она показала всему обществу, что рабочий класс есть могучая сила, способная в каждый данный момент выступить, как организованная, сплоченная энергичная масса. Она доказала, затем, самому рабочему классу, распыленному, несознававшему своей силы, позволявшему над собой издеваться каждому фабричному ма-

стеру и каждому царскому уряднику, что если рабочий класс сливается вместе, если он выступает организованно, то в такой момент для него суждена только победа, ибо эта стачка увенчалась, действительно, победой. Государственный совет тогдашний принужден был обсуждать требования рабочих, принужден был пойти на уступки. Та самая интеллигенция, которая опустила руки после поражения партии Народной Воли, которая не верила в рабочий класс, которая никогда не думала, что рабочий класс способен на такие организованные массовые выступления, спохватилась и задумалась. Эта стачка доказала, что рабочий класс в России существует, что рабочий класс в России есть тот класс, который легче всего поддается организации, и что это есть единственный класс, действительно сознающий свои революционные задачи и способный их в борьбе с царизмом выполнить.

Во главе этой организации стоял Ленин. Он, как глава этой организации, и должен был понести обычное царское наказание за дело организации рабочего класса. „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" был захвачен, были произведены аресты, затем Ленин был посажен в тюрьму, и, просидев там достаточное количество времени, был отправлен в ссылку в Сибирь. Но массовое рабочее движение и организация боевых рабочих ячеек, в виде „союзов борьбы за освобождение рабочего класса", не прекратились. Вслед за Петербургом, в Москве, затем в Киеве, Харькове, Екатеринославле, Одессе, на Урале стали возникать такие же точно организации. Вскоре большинство заводских и промышленных пунктов России украсилось этими организациями, и перед этими организацими встала задача: объединить усилия рабочих отдельных заводов, создать какой-нибудь центр, который руководил бы борьбой рабочего класса на территории всей России и поддерживал бы сношения русского рабочего класса с западно-европейским рабочим классом.

Среди вас, вероятно, много людей, товарищи, которые помнят еще полицейские условия, созданные царизмом, до революции 1917 г., быть может, меньше тех, которые помнят полицейские условия, существовавшие до 1905 г. Эти условия были ужасны. Все силы полиции, не только в смысле прямого подавления рабочих, но и в смысле обмана рабочих были направлены про-

тив зарождающегося рабочего движения. В этих условиях поставить перед собой задачу создать в России партию коммунистов, партию рабочих-марксистов было грандиозным предприятием. Передовые рабочие различных городов перед этой задачей не остановились. Если бы таким рабочим, строившим тогда союзы борьбы за освобождение рабочих, сказать: не пройдет и 20 лет, и в России, произойдет социалистическая революция, и подпольные деятели того периода смогут от имени рабочего класса взять весь государственный аппарат в свои руки, если бы им сказали, что одновременно произойдет революция в Германии и в целом ряде других стран, — быть может, эти люди тогда не поверили бы, что перед рабочим классом России, перед этим еще поколением стоит такое великое счастье — видеть осуществление социалистической революции или видеть осуществление первых шагов ко всемирному коммунистическому перевороту. Но они знали, — их научил этому марксизм и его проводник Ленин, — что рабочее движение, однажды вступивши на революционный путь, неизбежно придет к победе. И они несли жертвы, они создавали организации. Часто в борьбе с царизмом они погибали, но они сознавали, что всякая рабочая ячейка, всякий рабочий союз, всякая рабочая организация, всякий отдельный рабочий, ставший марксистом, становится непреодолимым залогом дальнейшего развития революции в России и во всем мире. Эти надежды, эта вера давала им возможность в тех тяжелых условиях нести мелкую кропотливую работу.

В 1898 г., в марте, эти передовые рабочие созвали первый съезд, как тогда называлась наша партия — Российской с.-д. рабочей партии. Собрался этот съезд в Минске, и было на нем всего 12 человек. И эти 12 человек тогда представляли собой все будущее революционное и рабочее движение в России. Они собрались для того, чтобы составить манифест нашей партии, для того, чтобы создать устав нашей организации, чтобы закрепить связь между отдельными городами, и те забастовки, в которых, прежде всего, выливалось рабочее движение, ввести в одно русло. Еще одна важная задача стояла перед ними тогда — связать экономическое движение рабочего класса, развивавшееся на почве непосредственных нужд, с политической задачей, ибо тогда уже стало выясняться, что рабочий класс,

вдвинутый в движение, начавший забастовки, часто был склонен ограничиваться чисто-экономическими требованиями, и рабочие, которые шли на забастовки, когда знали, что целью забастовки является прибавка к заработанной плате или сокращение рабочего дня, еще не отдавали себе отчета, что вся эта постройка эксплоатации связана с политическим режимом. Тогда нередко можно было встретить малосознательных рабочих, говоривших, — да, экономическую борьбу за прибавку заработной платы, против мастера мы готовы вести, и забастовку устроим, но царь-то здесь при чем, царизм здесь при чем? — это мы с хозяином боремся. Связь между эксплоатацией буржуазии и жандармско-полицейской надстройкой царизма и связь этого царизма с мировой буржуазной реакцией не всем еще была ясна в ту пору. И первые марксисты, эти первые „союзы борьбы", должны были поставить рабочее движение, тогда только начавшееся, на рельсы политической борьбы. Они должны были показать рабочим, что они не могут добиться улучшения своего экономического положения, — если они не свергнут царизм.

Владимира Ильича на съезде не могло быть — он был тогда в ссылке в Сибири, — но влияние его среди передовых рабочих тогда было уже настолько велико, что, когда они задумали издавать подпольный центральный орган рабочего союза, названный тогда „Рабочей газетой",—они пригласили в его редакторы Владимира Ильича. Попытка этого объединения была очень быстро разбита. Не успели товарищи разъехаться со своего съезда, как они были арестованы. Наметившаяся связь между различными организациями различных городов была разбита и разбита на несколько лет. Рабочий класс опять остался без общего, без центрального руководства.

Но товарищи, сосланные в Сибирь, знали, что перед ними стоят две задачи. Первая задача — наметить путь дальнейшего развития России, доказать, что все старые народнические теории насчет того, что Россия не будет развиваться через капитализм, что в России не будет пролетариата, который мог бы развернуть действительное революционное движение, ошибочны, разбить эту теорию на фактах, научным образом, пользуясь орудием марксизма; и другая задача — на почве этого научного доказательства о неизбежном росте пролетариата, и

того, что пролетариат неизбежно в России пойдет к социализму доказать, что путь к этому социализму лежит через низвержение самодержавия, что в этом низвержении самодержавия рабочий класс должен отстаивать свои особые классовые социалистические интересы и что для этого надо создать боевую самостоятельную организацию рабочего класса.

Владимир Ильич отдался тогда обеим этим задачам. В Сибири он писал книгу, в которой подводил научное обоснование под то марксистское представление о всем развитии русского хозяйства и русских классов, которое легло после в основу его политической борьбы. Он написал книгу, которая называется „Развитие капитализма в России". И в то же время он носился с планами и обдумывал, как создать центральный орган боевой рабочей организации. Он убедился на опыте первого съезда, что эта организация, поскольку она создается здесь в России, под крылом царизма, необходимо осуждена быть разбитой. Он видел, с другой стороны, что рабочему классу России нужно пройти долгую школу для того, чтобы из области экономической борьбы подняться до политической борьбы. Он видел вместе с тем, что целые группы интеллигенции и в России, и в Западной Европе употребляют все усилия для того, чтобы подменить революционное учение марксизма таким учением, которое признавало бы права рабочих на экономическую борьбу и на улучшение своего положения, но вместе с тем устраняло бы из марксизма все его революционные стороны.

В России к тому времени сложилась даже целая группа, состоявшая, главным образом, из интеллигенции, которая говорила: „Пусть рабочий класс ведет борьбу на экономической почве; пусть рабочий класс ведет борьбу за улучшение своего экономического положения; конечно, рабочий класс живет плохо, смертность большая, недоедание постоянное, квартиры скверные, жалованье получают малое, обид много, — пускай ведет экономическую борьбу, и забастовки экономические, но пускай не суется он в борьбу политическую". „Борьба политическая, — говорили эти люди, — принадлежит буржуазии, буржуазия должна ее вести". Тогда в России буржуазия была, как и дворянское земство, настроена отчасти против царизма. Вот какая теория создалась тогда: рабочие пусть занимаются экономи-

ческой борьбой, они тем самым будут расшатывать фундамент под царизмом, они будут создавать постоянное недовольство в среде широких народных масс, они будут воздействовать и на крестьян,—но руководство политической борьбой должно принадлежать более „интеллигентному“ классу, оно должно принадлежать буржуазии. Задача, которая встала тогда перед истинными коммунистами, включала в себя самую решительную борьбу с этими элементами, которые удерживали рабочий класс, выдвигая вперед в политической борьбе роль буржуазии. Как было осуществить эти три задачи: дать научное обоснование рабочему движению в России, создать боевую сплоченную организацию передовых рабочих и вести самую яростную борьбу, идейную и организационную, со всеми теми партиями которые сворачивали рабочее движение с истинного пути и, таким образом, очищали дорогу для буржуазии?

Влад. Ил. выдвинул тогда план, заключавшийся в том, чтобы создать единый руководящий идейный центр не в России, а за границей. За границей поставить такую центральную организацию, которая, находясь в постоянной связи с рабочими массами России, вместе с тем была бы в безопасности от постоянных ударов царизма и могла бы постоянно руководить пропагандой, агитацией и организацией среди русских рабочих масс. Как только кончилась его 3-х годичная ссылка, он опять предпринимает объезд России, собирает группу наиболее преданных революции рабочих и интеллигентов, и основывает газету, которая в истории международного движения имеет громаднейшее значение. Газета эта называлась „Искра“ и эпиграфом у нее стояли следующие слова: „Из искры возгорится пламя“. Эти слова, это — те слова, которыми величайший русский поэт Пушкин ответил на восстание декабристов. Тут, в этих словах была надежда, что из слабого и малого тогда еще рабочего движения возгорится, действительно, пламя революционного пожара. И, вместе с тем, этой фразой, взятой из переписки дворянских революционеров-декабристов с Пушкиным, отмечалась и другая сторона — то, что она поддерживает и хочет перенести в российский пролетариат те героические традиции революционной борьбы, которых не допускали тогда оппортунистские экономисты, создать вокруг этой газеты профессиональную организацию революционеров или, как тогда

выражался Вл. Ил., — „организацию профессиональных революционеров“. Над этой идеей, которую проповедовала эта газета, очень много тогда смеялись. Оппортунисты говорили: „Какая такая организация профессиональных революционеров?“ Идея же Ленина заключалась тогда в том, что все то, что есть в рабочем классе и среди той незначительной части интеллигенции, которая перешла на точку зрения революционного пролетариата, действительно коммунистического, что все это должно сплотиться в боевую организацию, зная, что против них такой свирепый враг, как царизм, и должны представлять из себя людей, которые никакой другой работы не знают, кроме работы по революционной организации и революционному просвещению масс.

Профессиональный революционер, по мысли Ленина, это был тот человек, который отдался весь и всецело революции. Он отнимал его от станка, от письменного стола, отнимал его от его обычной будничной работы и говорил: русскому рабочему классу, раскинутому на громаднейшей территории, которому приходится вести борьбу не только с царизмом, не только с буржуазией, но и с элементами, оттягивающими его от правильного пути, нужен железный костяк, вокруг которого можно было бы сложить революционную организацию пролетариев. Этот костяк должен создаться из людей, готовых всецело отдаться революционной работе, для которых революция будет не развлечением, не отдыхом от постоянных занятий, а профессией, такой же профессией, как всякая другая профессия, отличающаяся от других только тем, что здесь человек идет на гибель ради интересов целого класса.

Влад. Ил. создал эту организацию. Под его руководством целая группа товарищей, сплотившихся вокруг него, работали над тем, чтобы создать железный костяк пролетарской партии. Этот костяк при помощи газеты, о которой я говорил, и был создан. Вся Россия очень скоро после того, как вышла эта газета, — а вышла она в 1900 г., — покрылась сетью профессиональных революционных ячеек, которые были связаны с заграничным центром и в то же время вели работу среди широких народных, рабочих и крестьянских масс. За границей на деньги, собираемые рабочими массами, печаталась партийная литература: переводился Маркс, писались брошюры и воззвания.

Тайным путем, при помощи ухищрений, о которых помнят, вероятно, и знают только старые революционеры, перевозилась эта литература через границу, кордоны и царские заставы и охраны, ввозилась в рабочие города и распределялась по рабочим кварталам. И каждую неделю, и каждый день из этих рабочих кварталов отправлялись в центры выдающиеся люди, на борьбе доказавшие свою преданность интересам рабочего класса, чтобы урегулировать и объединять это рабочее движение.

На поверхности ничего этого не было видно. Буржуазия создавала свои газеты, печатала статьи, ученые издавали книги, наверху все казалось спокойно и мирно, даже демонстрации еще не происходили. А внизу эта организация „Искры", — эта первая ячейка нашей партии, вела кротовью подпольную работу, и в каждом рабочем городе, на каждом заводе начинали узнавать, что есть какая-то партия марксистов, партия рабочей революции, которая стоит за рабочий класс и учит рабочий класс, как ему бороться.

И скоро эта самая борьба привела к тому, что можно было собрать представительство от более широких слоев рабочего класса для обсуждения общего вопроса об общих целях борьбы. После нескольких лет работы этой организации, этой идейной борьбы с экономистами, этой идейной проповеди революционных целей пролетариата, созван был второй съезд с.-д. партии в августе 1903 г.

III.

Первый съезд, как я уже сказал, не увенчался успехом. Организация, созданная им, была разбита, и не решились наши товарищи созвать съезд в России. Они созвали его за границей. Но если на первом съезде присутствовали представители только от нескольких „союзов борьбы“, то здесь, на этом съезде были представители уже более, чем от 50 организаций рабочих, имевших уже за собой целый ряд удачных забастовок, научившихся уже координировать, связывать свои действия, так что в Одессе начинали забастовку тогда, когда предварительно справились, поддержат ли екатеринославцы и киевцы и как отнесутся к этому питерцы. Вот эти организации, действительно, положили основу нашей партии. На этом съезде, в августе 1903 г., была выработана, впервые, программа российской с.-д. рабочей партии, полностью и целиком охватывавшая те требования, которые рабочий класс тогда предъявлял, и тот путь, по которому он собирался итти. И на этом же съезде произошел тот раскол на большевиков и меньшевиков, который очень долго разделял ряды партии и названия от которого сохранились до сих пор.

В нескольких словах я сейчас остановлюсь на причинах этого раскола и на том, почему и как сложились эти слова: большевики и меньшевики.

Слова эти произошли оттого, что на этом съезде Ленин, стоявший во главе тех, которых потом назвали большевиками, получил несколькими голосами больше, чем другая группа, во главе которой стоял Мартов, а впоследстви Плеханов. Когда на съезде собрались товарищи со всей России и стали обсуждать задачи рабочего класса в России и характер пропаганды, то оказалось, что они сошлись на всем: они единогласно приняли

программу, почти единогласно принимали целый ряд резолюций тактических и разошлись только по поводу некоторых, чисто организационных вопросов, и, казалось, что это пустяковые вопросы, что это так, спор фракций, и многие не очень умные люди говорили тогда, что это склока, — перессорились люди неведомо из-за чего. И многие говорили: надо об‘единиться. Влад. Ил., стоявший во главе фракции большевиков, не шел ни на какие уступки и не соглашался ни на какое примирение. После того его часто стали ругать и продолжают бранить и до сих пор сектантом, человеком непримиримым, ведущим свою линию прямолинейно.

И в этих упреках, повторяющихся с тех пор на страницах всей буржуазной прессы, во всей полемике, которую когда-либо вела какая-либо партия с Лениным, — а нет такой партии в России, писаки которой не попытались бы сломить свое перо о ленинские писания, — в этих упреках есть правда. Когда представители буржуазного мира или мелкой буржуазной демократии постоянно клеймят и бранят представителя рабочего класса, обвиняя его в непримиримости, сектантстве и прямолинейности, — они говорят правду, ибо рабочий класс, об‘явивший борьбу всему буржуазному миру, вступивший в эпоху мировых катастрофических революционных переворотов, если он желает, действительно, итти по правильному пути к своей победе, не может быть иным, как непримиримым.

В этой брани и упреках по поводу непримиримости сказывалось только то, что буржуазный мир, мир эксплоатации, мир мелкобуржуазной демократии все время пытался свести рабочий класс с того пути непримиримой борьбы, на который выводил его Ленин, и группа, вместе с Лениным, отстаивавшая революционный научный марксизм.

Противникам Ленина казалось недопустимым, что рабочий класс отстаивает свои интересы, не идя ни на какое примирение с буржуазным миром, не сворачивая со своей дороги. И они говорили: „Вы сектанты, вы создаете какую-то секту людей, которые верят в будущую социальную революцию и не хотят обращать внимания на то, что делается вокруг них“.

Ленин же говорил: „Верно то, что мы подбираем людей, действительно верящих в правильность революционного пути развития пролетариата; верно то, что мы хотим сплотить аван-

гард из рабочих, знающих свою дорогу; верно то, что с этой дороги мы не хотим отступать, и ни на какие соглашения с буржуазным элементами мы не пойдем, но неверно, что мы отрываемся от жизни. Да, мы отрываемся от жизни мелкобуржуазной, колеблющейся демократии, но мы тем самым связываемся с жизнью самых широких рабочих масс. И когда нам говорили, что мы отошли от жизни, что мы ее не знаем, что рабочие массы с нами не пойдут,—мы отвечали: „мы посмотрим и увидим это, когда рабочий класс сам будет вовлечен в широкое массовое движение. Только массы самих рабочих могут рассудить этот спор".

И действительно. То, что казалось вначале пустым организационным вопросом, то, из-за чего, как-будто, не стоило спорить и ссориться, то после, в развитии революционного движения, очень быстро наполнилось самым определенным классовым содержанием. Оказалось, что те споры, которые вели на втором съезде с.-д. партии в 1903 г., предвосхищали всю ту классовую борьбу, которая впоследствии развернулась на пространстве всей России. А борьба была чрезвычайно тяжелая. На сторону противников Ленина встала тогда вся интеллигенция, на сторону его противников встали все старые вожди с.-д.: Плеханов и другие члены той группы „Освобождения Труда", которые первые положили теоретические основы марксизма в России. Ленин, как теоретик и вождь, остался, казалось, один.

И вот тогда, в 1904 г. он переживал трудные моменты. Он ходил тогда по горам Швейцарии (он был тогда эмигрантом) и думал: „Не ошибаюсь ли я, быть может, авторитеты, десятки лет работающие в рабочем движении, Плеханов, Засулич, Дейч, мои же товарищи по редакции „Искры" Мартов, Аскельрод, быть может, они правы и ошибаюсь я, проповедуя непримиримость в революционном движении рабочего класса? Быть может, я действительно оторвался от рабочего класса и останусь в одиночестве"?

В одиночестве должен был он решить этот вопрос, и он тогда принял решение, впоследствии всегда руководившее его поступками. Это было решение: „Хотя бы и один, я останусь верен интересам революционного пролетариата; хотя бы и один, я буду проводить линию революционного марксизма. Я уверен, что, когда революционный пролетариат сам возьмет движение

в свои руки, сам выступит на историческую арену как массовая сила, — он пойдет по тому же самому пути, который я предвижу, выводя его из приложения к России начал научного социализма Маркса". И не только в тот момент сказалась эта черта Влад. Ильича, — решимость остаться хотя бы одному, будучи уверенным в правильности выбранной линии поведения, — эта черта Владимира Ильича сказывалась в каждый критический момент русского рабочего движения и в поворотные моменты жизни всего международного рабочего класса.

Эта же черта сказалась и после крушения революции 1905 года, и после объявления войны и краха II Интернационала в 1914 г.

Во все эти критические, решающие, поворотные моменты русского и международного рабочего движения, в 1903, в 1905—06, в 1914, в 1917 г. г. нашу партию спасала ее строгая идейность, безусловная — сектантская, — как смеялись враги и маловеры, — преданность идеям научного социализма, идеям коммунизма, отказ итти на какие бы то ни было соглашения с идеями буржуазного общества, с критиками Маркса, с людьми, подделывавшими учение Маркса под вкусы буржуазии.

Борьба с этими буржуазными, оппортунистическими соглашательскими идеями, с идеями партии социалистов-революционеров, экономистов, критиков Маркса, меньшевиков проходит красной чертой во всей работе нашей партии и, прежде всего, в работе Ленина. В этой идейной борьбе за идеи марксовского коммунизма он всегда был беспощаден. Он преследовал всякое искажение идей Маркса не только в области политики, в области тактики, в области экономических учений, но и в области философии. Ни малейшее уклонение от учения Маркса ни в одной области не укрывалось от внимания Ленина, и он со страстью истинного борца идеи готов был всегда принять бой на этой почве. Почему?

Потому что учение Маркса для Ленина и для нас, его учеников, не просто теория развития классовой борьбы, не учебник политической экономии и социологии, а боевое учение революционного пролетариата, все — сверху до низа — проникнутое одной основной мыслью о завоевании социализма. Всякое отступление от этого учения в теории ведет к величайшим

ошибкам в практической борьбе. Всякое уклонение от этого учения ведет к пленению буржуазной мыслью. Это доказала судьба интеллигентского, так называемого легального марксизма, это доказала судьба эсеров и меньшевиков, которые, начав с тех или других „поправок“ к учению Маркса, с критики Маркса, прямым путем докатились до того, что ушли от пролетариата и стали вождями: одни — буржуазии, другие — мелкобуржуазных групп и слоев. Вот почему идейная борьба за марксизм была неотъемлемой частью работы Ленина, почему в этой борьбе он был беспощаден, почему он был непримирим ко всякой группке, отступавшей от революционного смысла Марксова учения, никогда не задумываясь итти на самый резкий раскол с подобными группами и группками. В каждом таком отступлении наша партия видела зародыш *чужой* не пролетарской, а следовательно, *враждебной* нашему делу, идеологии, мысли и практики. В эпоху ожесточенной классовой борьбы, в которую вступил весь мир с начала 20-го столетия и которая теперь развернулась в открытую гражданскую войну, *чужая* нам теория развития общества становится немедленно же орудием борьбы с пролетариатом со стороны *враждебных* ему классов. Вот где корень идейной непримиримости и раскольничества Ленина и большевиков. Отбивая все попытки использовать Маркса для целей буржуазии, большевики не застыли на Марксе. Нет. Ленин сделал больше, чем кто бы ни был, для *развития* учения коммунизма, ибо пользуясь учением Маркса и Энгельса, он внес в него весь тот громадный опыт революционной борьбы, который приобрел пролетариат за последние годы.

В начале 20-го столетия, накануне революции 1905 года, нужно еще было расчищать дорогу для революционного понимания коммунизма, надо было охранять рабочее движение от засорения его всякими ложными теориями, надо было воспитывать в рабочем классе недоверие к тем волкам в овечьей шкуре, которые хотели использовать рабочее движение для своих либеральных или мелко-буржуазных интересов. Приходилось вести борьбу на несколько фронтов.

Громадная вера в рабочий класс, непреодолимая уверенность в неизбежности социальной революции и решительное недоверие ко всем непролетарским течениям составляет фунда-

мент всей политической деятельности В. И. Ленина и фундамент деятельности всей нашей коммунистической партии в целом.

Я возвращаюсь к тому моменту, на котором остановился,— к 1903 году и к расколу на съезде. Повторяю, что спор этот возник сначала как-будто по пустякам, по вопросу о составе редакции центрального органа партии и о составе центрального комитета, куда Владимиру Ильичу хотелось ввести одних людей, а Мартову и Плеханову — других. Казалось, что за этим не скрывается никакого более глубокого и важного содержания, и, как я сказал, очень многие неумные люди думали, что здесь никакого содержания, кроме заграничной склоки, нет. Но достаточно было нескольких месяцев для того, чтобы действительное содержание, классовое содержание этого конфликта вскрылось целиком. Нужно дать себе отчет, что в рабочем движении есть различные тенденции, различные стихии, различные стремления, и ничего в рабочем движении не решается борьбой одного или другого человека, ничего в рабочем движении не решается группами и кружками, — все решается историческим ходом революционного развития самих рабочих. И если в 1903 г. произошел раскол, то это не было выдумкой того или другого человека, — это было отражением того, что в революционном движении рабочего класса есть две тенденции и, что перед революционным движением рабочего класса в России стоят, действительно, два пути.

И как только через год после этого съезда начали развиваться революционные события, сразу оказалось, что эти две линии развития и есть в наличности, в жизни.

Вы знаете, в 1904 г. разразилась война с Японией. Вместе с тем сразу революционное движение в России приняло широчайший размах. Это нарастание революционного движения заставило встать в оппозиционную позу также и верхи русской буржуазии. И тут рабочему классу надо было выбирать свой путь. Все старые проблемы и задачи, кратко указанные мною, когда я говорил о споре между Лениным и экономистами, споре о том, кому должна принадлежать руководящая роль в русской революции — буржуазии или пролетариату, — эти задачи немедленно развернулись, но уже не только в книгах, а в жизни, в массовом рабочем движении и в противопоставлении его движению буржуазии.

9-го января 1905 г. рабочие пошли к Зимнему дворцу и были расстреляны. В ответ на это — громаднейшая полоса массовых забастовок, неслыханных до сих пор не только в России, но и во всем мире, стала расшатывать основы самодержавия. В феврале, марте, апреле происходили 100 тысячные забастовки, переставшие уже быть экономическими и принявшие политический характер. Нашей партии в этот момент в России нужно было определить свое положение. И тут-то и сказалось все различие в понимании задач рабочего класса и революции у Ленина и у его противников. Влад. Ильич в этот момент выдвинул на первый план идею, мысль о диктатуре пролетариата и крестьянства. Многим из вас, быть может, покажется странным, что эти слова о диктатуре пролетариата и крестьянства, которые теперь у всех на устах и о которых, кажется, что только недавно они вышли из среды большевиков и их большевики выдумали, что это совсем на самом деле не так, что теория о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства создана не в Октябрьскую революцию, не тогда, когда большевики захватили власть, а тогда, когда большевики были очень далеки от власти, когда они могли только подготовлять дальнейшее развитие русской революции и тайно пропагандировать среди рабочих.

Как только на сцене появились широкие народные революционные массы, в начале 1905 года, нужно было решить задачу, куда направлять эти массы, и еще больше — где лежит действительный путь этих масс. И меньшевики тогда ответили на этот вопрос: рабочее движение в России должно развиваться так, чтобы оно не запугивало буржуазию. Это—классический, т.-е. точно сформулированный, ясный и определенный ответ, данный не теперь, не несколько месяцев тому назад, а за 10—12 лет до революции 1917 г., в начале революциии 1905 г., в котором вся политическая сущность меньшевизма и сконцентрировалась: рабочее движение в России должно развиваться так, чтобы не запугивать буржуазию. Таков был ответ меньшевиков.

В ответ на эту постановку вопроса другая постановка была сформулирована Лениным. Он говорил: рабочее движение в России должно привести к такой организации государственной власти, которая будет диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства. Что сказалось в этом? Частность ли это

было, что два вождя иначе сформулировали свою мысль, или на самом деле это — отражение двух классовых взглядов, которые во всю русскую революцию боролись? Несомненно, это так. Россия всупила в революцию 1905 года с двумя возможностями. Она могла развернуться в такую революцию, которая привела бы к господству буржуазии; она могла развернуться и в такую революцию, которая привела бы к господству пролетариата и беднейшего крестьянства.

Наша партия встала перед этими двумя возможностями. Перед ней встал вопрос, что проповедывать в рабочих массах, на какой платформе их организовать, к чему их вести,—к тому, чтобы власть во время революции и после революции осталась в руках буржуазии, или с самых первых шагов массового движения направлять это революционное движение к борьбе за власть не только с царизмом, но и с либеральной буржуазией, к одной цели — к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства? И вот тут-то, когда стали говорить не о частностях, не о мелочах, не о пустяках, не об организационных спорах, а о сущности дела, о том, в какую сторону должно направляться революционное движение, тут сразу и выяснилось, какая классовая подоплека лежит между этим разделением на большевиков и меньшевиков. Все забыли уже о 2-м съезде, когда у большевиков было на 1 голос больше, и потому их назвали большевиками, все забыли, что меньшевики называются меньшевиками потому, что в 1903 г. на съезде они получили на 1 голос меньше по вопросу о том, как организовать редакцию „Искры“. А слово осталось потому, что оно характеризует не то, что происходило в 1903 году, а смысл двух основных направленный в российской революции.

IV.

Эта великая русская революция разразилась в 1905 г., при входе в XX-й век, она разразилась в обстановке, в которой не совершилась ни одна буржуазная революция. И надо было решить вопрос, повторит ли русская революция все революции XIX века, которые делались рабочими, а приводили к господству буржуазии, или это будет первая революция в ряду революций XX века, которая будет делаться рабочими, чтобы утвердить власть тех же рабочих, трудящихся? Вот тот основной вопрос, в котором тогда не все рабочие и не всегда отдавали себе отчет, о котором спорили и не всегда, не вполне отдавали себе отчет тогда и сами большевики и меньшевики. Вы знаете, как развертывались события дальше.

1905-й год создал впервые в истории советы рабочих и солдатских депутатов. Иногда говорят, что советы рабочих и солдатских депутатов чуть ли не большевики выдумали, что слова „вся власть советам“ Ленин в 1917 году привез, что ему так понравилось устроить. Это — неправда, потому что история революции, история рабочего движения в России имеет собственную логику, собственное развитие и ничего не создано тут умом отдельного человека, а только тот был, действительно, великим вождем в рабочем движении, кто умел подметить те формы организации, которые создавались самим рабочим движением, и мог уяснить самому рабочему классу то, что он делает, сформулировать то, что рабочий класс в массовой борьбе создавал сам.

Советы рабочих депутатов были созданы в 1905 году самими рабочими, и некоторые большевики сначала даже отнеслись к ним с недоверием, но очень быстро убедились, что это движение, действительно, представляет собой массовую орга-

низацию, — организацию боевую. Тогда, в 1905 г., большевики заявили: советы есть ячейки, зачаток революционной власти. Мы говорили, что эта ячейка революционной власти потому, что тогда революция не приобрела того размаха, при котором эти ячейки, эти зачатки новой власти могли бы развернуться целиком и превратиться из зачатков власти в действительную власть. Но тогда же большевики оценили эти советы. И 13-ть лет тому назад лозунг: „вся власть советам“ был включен большевиками в ту оценку советов 1905 г., которая была дана на их конференциях, с‘ездах, совещаниях и т. д.

Ленинская теория, заключающаяся в диктатуре пролетариата, в теории государства, как власти советов, создана массовым движением самого рабочего класса, и его заслуга только в том, что он объяснил словами то, что рабочие массы создавали, создали и создают своим героизмом, своим классовым разумом, своим революционным героизмом. В 1905 году в этой теории диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и в этой теории советов, как ячеек революционной власти, был уже заложен весь большевизм, тот, который осуществляется теперь, и мы предлагаем всякому нашему буржуазному критику, прежде, чем он осмелится критиковать наши лозунги, справиться с теми теоретическими и тактическими работами Ленина, которые в 1905 г. гениально указали весь ход дальнейшего развития революции.

В 1905 г. рабочие массы вышли на улицу и направили свой удар против самодержавия. Ясно было, что ниспровержение самодержавия в этот момент грозило буржуазии тем, что власть перейдет в руки тогдашних советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда уже выяснилось, что буржуазия не может удержаться между пролетариатом и реакционерами и что, как только пролетариат поднимает свою голову и выступает на революционный путь, буржуазия бросается в сторону царизма и реакции. Положение было ясно и определенно. Но это движение было задавлено тем, что рабочий класс в этот момент не увлек за собой крестьянства в такой степени, которая обезопасила бы пролетариат от удара в тыл из среды солдатских масс, из среды крестьянских сыновей в солдатских мундирах. Революция 1905 г. была разбита, потому что деревня не была достаточно революционна, и вышедшие из деревни

солдаты раздавили московское восстание, железнодорожные забастовки, восстание в Прибалтийском крае и по всей России. Судьба первой революции зависела от того, кто увлечет за собой эти крестьянские и солдатские массы, — пролетариат или буржуазия с царизмом. Когда казалось, что революционным движением вперед мы сможем сразу разъяснить положение этим крестьянским массам, тогда лозунгом нашим было: мы не идем ни на какие компромиссы, соглашения ни с либеральничающей монархией, ни с монархической буржуазией, — мы идем, чтобы взять землю и чтобы ниспровергнуть царизм, и во имя этого мы идем на вооруженное восстание. И так же, как в 1900, 1901 и 1902 гг., Ленин издевался над теми пустобрехами, которые звали тогда на вооруженное восстание, и говорил: вооруженное восстание — вещь серьезная, тот болтун, который зовет на вооруженное восстание, не имея за собою масс, — тот же самый Ленин в 1905 г. говорил: восстание есть первый шаг победоносной революции, советы могут держаться только на победоносном восстании, диктатура пролетариата и крестьянства требует, как предварительного условия, победоносного восстания рабочих и крестьян.

И партия под руководством Ленина вся отдалась подготовке вооруженного восстания, закупке оружия и боевых припасов, боевой подготовке рабочих, твердо зная, что вопрос о вооружении пролетариата в тот момент решает вопрос о русской революции. Партия говорила тогда: мы не пойдем в Государственную Думу, которую тогда царизм по соглашению с либерально-монархической буржуазией выдвинул, как отдушину против революционной борьбы масс. Спор между царизмом, буржуазией и рабочими массами решится, — говорил Ленин, а за ним и вся наша партия — не в стенах царского парламента, а на улице. Если на улице в столкновении масс победят рабочие и крестьяне, они низвергнут самодержавие вместе с созванной царем Думой и создадут собственную власть, диктатуру союза рабочих и крестьян. Если победит царизм при помощи обманутых им войск, его не остановит никакая Дума, никакой парламент. Расправившись с рабочими и крестьянскими восстаниями, царизм прогонит вон всякую либеральную оппозицию. Ленинское предсказание оправдалось. Когда восстание рабочих и крестьян было подавлено, царизм разогнал сначала

первую, а потом и вторую Думу и установил диктатуру палача рабочих и крестьян — Столыпина, диктатуру дворянства и крупнейшей буржуазии. Вместо диктатуры пролетариата и крестьянства, установилась неограниченная власть столыпинцев и гучковцев, дворянства и купечества с фабрикантами. Государственная Дума — третья и четвертая — были только канцеляриями, которые ставили штемпель на царских расходах, и в которых помещики, чиновники, заводчики, фабриканты, купцы обделывали свои грязные делишки, деля между собой власть и доходы.

Вот почему, покуда еще революция в 1905 — 1906 гг. не была раздавлена царизмом, наша партия стояла за то, чтобы в Думу не итти, а поднимать народ на восстание против царя и против монархической буржуазии.

Уже во время этой первой революции для коммунистов-большевиков было ясно, что победит та партия, которая построит свою политику таким образом, что убедит крестьян, что их интересы заключаются в том, чтобы целиком стать на сторону революционного пролетариата против помещиков. И Ленин, и вся наша партия понимали совершенно ясно, что в тот момент судьбу революции решает крестьянство, что судьба революции решается на улице, открытой борьбой, восстанием что это восстание будет успешно для того, на чью сторону станет крестьянство. И он говорил: крестьяне по существу дела должны сейчас быть с пролетариатом, потому что хотят отобрать землю у помещиков; они только не понимают, что нельзя отобрать землю у помещиков тем мирным путем соглашения, который проповедует партия Милюкова, буржуазия, к которой склонилась и партия меньшевиков. Крестьянство должно понять, что оно может вырвать землю у помещиков только в том случае, если оно поможет пролетариату ниспровергнуть власть царизма и буржуазии.

Крестьяне в 1905 г. всей своей массой не поддержали революционного движения пролетариата и потому не получили тогда земли, рабочий класс на 10 лет был загнан опять в подполье. И тем, что в 1905 г. не осуществилась задача, поставленная тогда Лениным, не осуществилась диктатура пролетариата и крестьянства, только этим объясняется, что через 10 лет народы России были брошены царем и буржуазией в ту бойню,

в которой погибло гораздо больше пролетариев и крестьян, чем то количество, которое нужно было в 1905 г., чтобы свергнуть царизм и избегнуть этой империалистической войны. История мстит за себя,—и народ, во время не совершивший революции, расплачивается за это жертвами, которые он приносит буржуазии.

Я не могу останавливаться на международных отношениях, вызвавших эту империалистическую войну, но самого краткого обзора было бы достаточно, чтобы показать, что царизм был принужден вести эту войну для спасения своего внутреннего положения, для укрепления себя в России против воскресшего революционного движения, что эта война вызвана политикой царизма и что, если бы в 1905 г. программа Ленина и коммунистической партии была осуществлена, и крестьяне встали бы на сторону пролетариата, а не буржуазии, а меньшевики и с.-р. не обманывали бы в этот момент крестьянства, если бы все сложилось так, как предписывали интересы пролетариата, тогда не было бы этой войны, и рабочим и крестьянам не пришлось бы так дорого расплачиваться за то, что русский народ не был в 1905—1906 г.г. достаточно революционен.

V.

Но теория марксизма и практика нашей коммунистической партии не строит фантастических замков, а следит за ходом событий и применяет тактику, вытекающую из хода самой классовой борьбы. Поэтому, когда Ленин убедился, что крестьянство еще не с нами, что армия не с нами, что революция рабочих раздавлена, он должен был переменить тактику. И он ее переменил. Владимир Ильич не растерялся от первого поражения, не впал в уныние, не потерял веры в победа. Он сказал себе и партии: „рабочий класс боролся до последнего, но он побит, а в мире не было еще и не может быть такой революции, в которой угнетенный и эксплоатируемый сразу и легко добился бы победы. Нет, буржуазия умеет отстаивать свои интересы, и рабочий класс может потерпеть поражение. Окончательная победа ему гарантирована неизбежно, но на том или другом повороте исторического пути буржуазия может оказаться сильнее схватить пролетариат за горло. Это не исключено. В такие моменты надо уметь, сжав зубы и кулаки, терпеливо работать над подготовкой нового подъема рабочего движения, искать новых связей с массой, воспитывать к борьбе новых бойцов. Надо уметь найти для этого новые пути".

Тут нужно отметить одну черту и во Владимире Ильиче, и в самом рабочем движении, наиболее правильным отражением которого он является. Одно дело выставить лозунг, другое дело найти дорогу для его осуществления. Раньше, чем выступили массы, — а выступление масс в России, как революционных масс, относится к 1901 — 1903 гг., — Владимиру Ильичу, когда он создавал первые рабочие организации, будущие с.-р. и наследники Народной Воли, насмехаясь, говорили: „Вы пишите

какие-то бумажечки насчет того, что неправильно на рабочих наложен штраф, — какие вы революционеры! Революционер тот, кто с револьвером идет царя убивать! Кто подымает восстание"! — А Ленин говорил: „Вот эта самая бумажка насчет штрафов, когда пойдет в массу, когда организует и соберет массы, будет более благодарное орудие для окончательного подавления царизма, чем какой угодно револьверный выстрел". Этим Владимир Ильич указывал, что рабочий класс не верит пустым фразам и эффектным жестам и делает свое дело, крепко закладывая фундамент социальной революции, камень за камнем, зная, что в известную эпоху какая-нибудь прокламация, объединяющая рабочих, гораздо важнее, чем револьверный выстрел, ведущий к гибели очень героических, мужественных и честных революционеров, но не пробуждающий масс.

Но рабочий клас, а вместе с ним и наша партия, знает, что в другую эпоху рабочий класс должен схватиться за винтовку и всю свою энергию, все свое сознание вложить в дело вооруженной борьбы со своими эксплоататорами.

Рабочий класс России одну за другой вырабатывал, создавал свои формы борьбы, переходя от разрозненных чисто-экономических забастовок к широким экономическим стачкам с политическими лозунгами, от них к демонстрациям (начало XX века), от демонстраций к массовым политическим стачкам (1905 — 06 гг. и вновь в 1913 — 14 гг.), от массовых политических стачек к восстаниям и к Советам Депутатов, от Советов Депутатов к захвату власти. Заслуга истинной пролетарской партии в том, что она подмечает новые формы борьбы, вырастающие из рабочего движения, из боевого опыта масс, выясняет их, поддерживает и развивает их.

Это и делала наша партия в постоянной борьбе с оппортунистами, с меньшевиками, которые всегда цеплялись за отсталые, изжитые формы движения рабочего класса.

В этом смысле Владимира Ильича следует назвать глубочайшим реалистом, почвенником, т.-е. таким человеком, который всегда умеет считаться с действительной жизнью, умеет сочетать теорию с практикой, лозунг со способом его проведения в жизнь, который величайшую революционную страсть сочетает с величайшей трезвостью в учете силы борющихся партий и классов.

История нашей партии знает не только постоянную борьбу с Лениным со стороны правых, оппортунистов, меньшевиков и эс-эров, но и случаи нападок на Ленина якобы „слева“, со стороны товарищей, которым казалось, что Ленин вдруг становится недостаточно революционным. Это происходило в те моменты, когда движение вступало в новую полосу, когда требовалось быстро и решительно нащупать новый путь, выяснить новые задачи, стоящие перед рабочим классом.

В такой момент старые лозунги часто оказываются уже негодными, одеревеневшими, вредными для нового этапа движения, а иным товарищам кажется, что отступление от этих лозунгов есть смертный грех, чуть не измена вчерашнему дню. Так было и после революции 1905—06 гг., когда Ленин, горячее других отстаивавший невхождение, бойкот относительно 1-й Думы, стал отстаивать вхождение, участие во 2-й Думе, и в 3-й и в 4-й. Так было во время подписания Брестского мира, когда некоторые коммунисты нападали на Ленина и требовали, чтобы он не мир подписывал, а объявил партизанскую войну Германии.

Так было и тогда, когда товарищи недоуменно покачивали головами и разводили руками по поводу того, что Ленин, беспощаднее всех громивший саботаж в октябре-июле 1917—1918 годов, затем стал отстаивать привлечение к работе интеллигенции, специалистов, отстаивал кооперативы, проповедывал „дружелюбное отношение“ ко всем, кто — не будучи коммунистом — хочет вместе с нами или рядом с нами бороться с англо-американским империализмом, когда он призывал партию изменить отношение к среднему крестьянству.

Всегда в этих случаях история оправдывала Ленина. Она показывала, что здесь дело идет о трезвом учете исторической обстановки, что каждый лозунг Ленина, вызывавший сомнения с точки зрения товарищей, увлеченных революционной фразой, диктовался изменением в ходе борьбы и всегда стремился сократить путь к победе и увеличить силы рабочего движения.

История мирового рабочего движения и история рабочей революции в России, победы и поражения пролетариата — все это научило Владимира Ильича и всех нас, его учеников, ценить в революционной борьбе не эффектные жесты и красивые

позы, а только такое движение, которое опирается на массы, которое втягивает сотни, тысячи и миллионы, которое превращает лозунги из призывов группы и лиц в лозунги, осуществляемые миллионными массами. Мы знаем, что только такое движение прочно, в которое вовлечены миллионные массы. Ленин научил партию внимательно присматриваться к жизни масс и во время заменять методы борьбы, грозящие оторвать партию от масс или грозящие оставить массы невовлеченными в борьбу, новыми методами.

И поэтому, когда революционное движение 1905 года было разбито, когда массы сошли со сцены и надо было переменить лозунги, Владимир Ильич не остановился перед тем, чтобы эти лозунги переменить.

После 1905 года революция была разбита, рабочий класс взят за горло и побежден на время, но мы были уверены только в одном, что России революции не миновать, и что для того, чтобы готовиться для этой революции, рабочий класс должен сохранить свою организацию. В это верили мы, в это не верили другие. Во всех революционных партиях тогда начался полный развал. Все решили—революция в России разбита, партия пролетариата провалилась, коммунистическая партия понесла сильнейшее поражение, нам не надо более нелегальных подпольных партий, которые бы строились по тому же принципу профессиональных революционеров, как та боевая организация, которая создалась для подготовки 1905 года.

Положения после 1905 г. я не стану здесь характеризовать. Вы знаете столыпинские виселицы, карательные экспедиции, уничтожение всей рабочей прессы, неизбежность того, что непопавшие на виселицы и на каторгу должны были скрыться в подполье.

Сам Ленин, в 1905 г., с первыми проблесками революции приехавший в Петроград, для того, чтобы поставить там первую открытую с.-д. газету, живший в Петербурге до того момента, пока это позволяли полицейские условия, в конце 1907 г., после 2 лет самой широкой агитации среди рабочего класса Петербурга, должен был уехать и поселиться в Финляндии. Скоро оказалось, что финская буржуазия так же плохо может защитить вождя и руководителя рабочих от царизма, как и русская буржуазия. Он должен был уехать из Финляндии и

уехал в тот момент, когда карательная экспедиция, наряженная специально в Куокалла, чтобы захватить Ленина, уже стала окружать его дом. Он переехал границу.

Здесь, в эмиграции, на развалинах первого этапа развития революционного движения пролетариата, Ленин принялся за подготовку нового восстания пролетариата, вновь и вплотную отдался тяжелой работе создания боевой пролетарской организации. Мы знаем теперь, что революция 1905 г. была предварительным боем. Теперь мы знаем твердо, что в этом бою мы фактически одержали победу, потому что этот бой создал и второй бой—1917 года. Но тогда перед нами лежали развалины, рабочий класс чувствовал себя разбитым, мы не могли собрать членов нашей партии, они были все в тюрьмах, на каторге или в Сибири. Старая организация развалилась, собраний устраивать нельзя было, газеты позакрывались, царизм и буржуазия торжествовали, меньщевики злорадствовали и вот маленькой кучкой из-заграницы под руководством Владимира Ильича стали мы вновь собирать эти разбитые, расстроенные ряды.

У Владимира Ильича были тогда две главенствующие идеи. Одна—та, что Россия неизбежно должна пережить новую революцию, что поражение первой революции не решает еще ничего, что через несколько лет встанет вторая революция. А вторая идея—что для этой революционной работы рабочий класс нужно сохранить крепко организованным, а также, что не может быть другой организации революционного пролетариата в столыпинской, царской России, кроме подпольной. Мы использовали все легальные возможности, влезая в каждую щелку, которую давал царизм, будь то профессиональные союзы, кооперативы, или Государственная Дума,—несмотря на то, что всюду в этих организациях нам затыкали рот и тащили оттуда прямо в кутузку,—мы старались проникать туда, ценя трибуну и возможность хоть в полголоса шептать свои идеи рабочим массам. Но центр тяжести Владимир Ильич видел в организации подполья, в постройке нелегальной рабочей революционной партии, в революционном просвещении рабочих масс и крестьянства. Долгие годы надо было дожидаться плодов этой работы, и только к 1914 г. мы могли пожать плоды.

Мы, те кто жили за-границей с Владимиром Ильичем,

видели, как от общих заданий, отстаиваемых им в 1905 г.,— когда в некоторые моменты казалось, что мы накануне осуществления диктатуры пролетариата и крестьянства,—он перешел к мелкой кропотливой работе, к писанию нелегальных статей и писем. Эта литература запаковывалась в чемоданы и эти жалкие, казалось, листки рассылались по всем русским городам. Мы видели, как он в эту работу вкладывал весь свой революционный пыл, также точно, как он впоследствии вкладывал его в создание декретов и воззваний, о которых говорит весь мир. И вы знаете теперь, что эти декреты, звучащие на весь мир, и те прокламации, которые просвещали маленькие группы рабочих, что все это—одно и тоже, потому что и то и другое есть бомба, долженствующая взорвать весь буржуазный мир.

Вот эту невидную, неэффектную, на поверхностный взгляд, маленькую, будничную задачу выполнял за границей Ленин изо дня в день. Наконец, он перебрался поближе к российской границе, в Краков, в тот момент, когда развившееся революционное движение, наконец, расшатало царизм настолько, что он принужден был допустить открытие рабочих легальных газет. Хотя можно было говорить в них только в четверть голоса, но Ленин пользовался и этим.

Мы сидели на самой границе России, ежедневно посылали телеграммы, сообщали о революционном движении за границей, подготовляли рабочий класс в России к неизбежности революции и вели самую ожесточенную борьбу с меньшевиками и со всеми остальными партиями, которые поставили крест над революцией и которых мы называли тогда ликвидаторами, потому что их стремления фактически сводились к ликвидации революционных перспектив, и в связи с этим—к уничтожению революционного духа в рабочем классе. Любой, кто развернет страницы революционных газет, которые издавал тогда Ленин и которые издавали тогда меньшевики,—скажет: на большевистских газетах лежит отблеск пламени грядущего пожара. Здесь работают люди, которые, несмотря на то, что как-будто налицо нет революции, знают, что революция эта будет и готовят рабочий класс к тому, чтобы он революцию использовал для себя, не дав использовать самого себя для буржуазии, а на той стороне сидят люди, которые в рево-

люцию не верят и думают, что Россия вступила на путь мирного развития, что постепенно царизм будет уступать, как он уступил, создав Г. Думу, как он уступил, разрешив профессиональные союзы и разрешив с.-д. фракции в Г. Думе выступать иногда со своими речами и что вот мало-по-малу, уступками буржуазии, а не рабочему классу, создастся такой строй, который будет похож на западно-европейский в том смысле, что буржуазии будет предоставлена известная политическая свобода, а рабочему классу будет предоставлено иногда жаловаться на злоупотребления капитализма, поддерживая этот капитализм своим рабским трудом. С одной стороны, — перспективы неизбежной революции и заботы о том, чтобы революция не пришла, как тать в нощи, чтобы рабочий класс подготовился взять узду этой революции в свои руки и направить ее бег в сторону, нужную для рабочего класса, а, с другой стороны, — полное разочарование в революции, полное пренебрежение революционными возможностями, уверенность, что все будет итти путем компромиссов и соглашений и поэтому, как вывод, полное пренебрежение партийной подпольной работой и направление всего внимания на те отрасли работы, где могло происходить соглашение с буржуазией.

Среди всеобщего политического разврата и разложения, постоянных и ежедневных измен, среди торжествующего хора буржуазных писак, оплевывавших и осмеивавших побитых революционеров, наша партия, которая царскими палачами сведена была к небольшой группе пролетариев и интеллигентов, под руководством Ленина, напрягала все силы, чтобы не дать окончательно упасть красному знамени рабоче-крестьянской революции, чтобы отстаивать память и традиции великой борьбы 1905—6 г.г.

Только ленивый не ругал тогда коммунистов-большевиков, которые, казалось, раз навсегда погребены под развалинами революции. А меньшевики, сидя над этими развалинами, приговаривали: все от того, что рабочий класс зарвался, что он слишком сильно ударил по буржуазии,—не бывать революции в России, России предстоит развиваться „по-прусски".

Развитие „по-прусски", по образцу Пруссии, обозначает такое развитие, когда страна переходит к буржуазным порядкам без коренных революционных потрясений, сохраняя власть,

земли и доходы помещиков, когда буржуазия договаривается с помещиками насчет полюбовного раздела добычи, собираемой с народа. Такой путь предрекали меньшевики России. А большевики упорно стояли на своем: на том, что России предстоит пережить еще революцию, что ее развитие пойдет не „по-прусски“, а „по-французски“, т.-е. через великую революцию крестьян и пролетариев, уничтожающих власть и землевладение помещиков, через господство народных низов, трудящихся масс. Этот путь мы должны отстаивать, говорила наша партия: к нему готовить пролетариат. Меньшевики, опираясь на свое представление о русской революции, или, вернее, о ее конце, говорили тогда: на очереди стоят „частичные реформы“, борьба за частичные улучшения в положении широких народных масс. Главная роль в деле обновления России будет принадлежать буржуазии, надо ее поддержать против помещиков. Большевики говорили: дело идет не об обновлении России, а о низвержении буржуазно-помещичьего строя. Это можно сделать только революцией. В этом деле главную роль должен будет играть пролетариат, увлекающий за собой крестьянство. Пролетариату, раз он ставит своей задачей победоносную революцию, придется не поддерживать буржуазию, а бороться с ней, как с союзником царизма. Никаких частичных улучшений ждать от помещиков и буржуазии нельзя. Это — обманчивые надежды, которые гасят дух революции. Надо ставить вопрос не о частичных реформах, а о революции, не о поддержке буржуазии против помещиков, а о борьбе и против помещиков и против буржуазии. Надо развивать массовые революционные способы борьбы: стачки, демонстрации, массовую революционную агитацию, переход от соединения экономических и политических стачек к открытой революции.

Эти два направления — большевиков и меньшевиков-ликвидаторов — могли подвести итог своей работы уже к началу 1914 г. и даже раньше, когда стало ясно, что рабочий класс России оправился от удара, нанесенного ему в 1905 г. Стачка, начавшаяся после расстрела ленских рабочих в 1912 г., бывшая откликом на это, сразу показала, что в рабочем классе опять накопилась революционная энергия и то сознание своих сил, которое служит отправной точкой для революционного развития.

С 1912 г. начинается эпоха экономических и политических стачек. Меньшевики говорили тогда, что рабочие предаются стачечному азарту, что, как зарвавшийся игрок, они играют стачками. Мы же говорили: эти стачки, — симптомы нарастания революции, и задача всякого революционера развивать эти стачки, поднимать их до уровня политических стачек, рисуя перед рабочими ту же самую, казалось бы, в ходе реакции забытую, перспективу завоевания власти рабочим классом, пролетариатом города и полупролетариатом деревни.

Вы знаете, что накануне объявления войны в Питере были баррикады и происходила общая забастовка. Представители большевиков в Г. Думе были глашатаями той нарастающей революционной борьбы, которая подготовлялась по всей России. Вы знаете, что в этот момент, если бы не объявленная мобилизация,—мы все равно получили бы развитие революционных событий и повторение 1905 г. И в эти дни мы могли подвести итоги и сказать, кто прав,—те ли, кто непримиримо и в годы реакции отстаивали революционную линию пролетариата, не обращая внимания на частичные поражения и веря в непреодолимость пролетарского движения, или те, которые, исходя из буржуазных предрассудков и не смея стать прямо на линию пролетарского движения, блуждали по разным дорогам и искали спасение в соглашении с буржуазией? И здесь раньше, чем на рабочие массы обрушалась война, они произнесли уже свой суд над меньшевиками. Тогда уже накануне войны 1914 г., над рабочими массами веял дух большевизма, они были охвачены, как тогда и признавались меньшевики, „большевистским поветрием". Скоро это большевистское поветрие превратилось в большевистскую грозу. Это „большевистское поветрие" среди рабочих было ленинским поветрием, эта „большевистская гроза" была ленинской грозой! Среди рабочих масс Ленин уже тогда был признанным вождем.

VI.

Мы вступили в эпоху войны, и я вам нарисовал то положение, в котором была наша партия в момент, когда война разразилась. Наша фракция в Г. Думе, выступавшая против войны с лозунгом: „война войне“, была немедленно арестована и сослана в Сибирь. Все сторонники наши были рассажены по тюрьмам, газета наша была немедленно закрыта. Ленин за границей вместе с кучкой товарищей остался один, оторванный от России, почти в безнадежном положении, видя, что русский рабочий класс и русское крестьянство, малограмотное, обманутое буржуазной прессой, обманутое генералами и офицерами, не знавшее ни одного слова истины, обречено на роль пушечного мяса в этой войне. Я сказал уже вам, что в этот момент проявилась та самая черта, которой всегда отличался Ленин: коммунистическая непримиримость и уверенность в победе пролетариата,—черта, позволившая ему в тот черный час начала войны сказать: „Я знаю, что пролетариат может ошибаться, но я знаю также, что все же пролетариат с этой ошибочной дороги вернется на единственно правильный и соответствующий ему путь пролетарской социалистической революции“.

Он остался один.

Когда все заведомые вожди II-го Интернационала, все ученые и теоретики социалдемократии склонились в сторону буржуазии, когда даже—больше и страшнее того,—сам рабочий класс стал уклоняться в сторону империализма и когда в нем не хватило достаточно силы, чтобы сейчас же дать отпор империализму, и благодаря этому он превратился на некоторое время в орудие империалистского разбоя,—когда рабочих одели в солдатские шинели и послали на фронт воевать за чуждые им интересы, воевать против социализма за империализм.

и они пошли без протеста,—в этот момент, когда Каутский, Гаазе, Вендервельде, все люди, стоящие во главе II-го Интернационала, Гед и Вальян, люди, связанные с первой пролетарской революцией в мире, с Парижской Коммуной 1871 г., когда они не решились пойти против этого потока империализма, когда они стали на сторону буржуазии, когда они вотировали деньги этой буржуазии,—только один Владимир Ильич сказал: „Пускай все вожди перейдут на ту сторону, пускай рабочий класс сам ошибается и отдает себя на съедение империализма,—я знаю, что путь революционного развития заключается в том, чтобы провозгласить войну войне, и, хотя бы я остался один, я это знамя буду держать, зная, что рабочий класс не может долго ошибаться, что он может быть затянут на неправильную дорогу, но что он с этой дороги неизбежно свернет на путь революции".

И как смеялись тогда над Владимиром Ильичем какими чудаками казалась та группа русских эмигрантов, которые там, в Швейцарии, оторванные от России, отгороженные от русского рабочего класса царскими кордонами, в маленьких несчастных листках, которых нельзя было много печатать, потому что не было денег на это, провозгласили войну войне, изменником провозгласили всякого, кто хотя бы один палец подал империализму! Буржуа и их лакеи так называемые социалдемократы, которые очень хорошо устроились в буржуазном обществе, говорили: „Это—чудак, фантазер, оторванный от жизни, он мечтает в тот момент, когда все силы в руках буржуазии, что эта буржуазия будет побеждена и будет создан социалистический мир! Это—опасный фантазер",—говорили они.

Но прошло всего несколько лет, и тот, кто в тот момент казался чудаком, оказался на самом деле единственным, понявшим истинный смысл истории, единственным, понявшим действительное направление исторических событий, угадавшим, чего хочет и к чему стремится рабочий класс всего мира.

Как в 1903 году, после разрыва на съезде с.-д. партии со всеми старыми друзьями, Владимир Ильич провозгласил известную теорию развития русской революции, и не побоялся остаться с нею один, так и в 1914 г. в решительный момент, в момент поворота для всей мировой истории, он опять остался один на своей дороге. Откуда было взять Владимиру Ильичу

уверенность, силу и смелость остаться одному на своем посту, когда даже рабочий класс ушел в сторону? Откуда взялась смелость отстаивать свои теоретические положения, когда казалось, кругом нет к этому ни малейшего сочувствия?—Они основывались на уверенности в том, что рабочий класс есть действительно революционная сила, действующая по-революционному не потому, что этого хочется тому или другому рабочему, но потому, что весь рабочий класс поставлен в такие условия, что он неизбежно толкается на путь социальной революции.

Вооруженный этим глубочайшим доверием к разуму рабочего класса, Ленин становится во главе всех тех в среде интернационального движения, которые не пошли в хвосте буржуазии и не поддались примерам Вандервельде, Геда, Каутского. С небольшой кучкой представителей всех стран, он созывает Циммервальдскую конференцию, на которой объявляет изменником делу пролетариата всякого, кто не идет против войны, кто не зовет к восстанию против империализма, кто не зовет к социалистической революции; объявляет изменниками всех тех, кто дает хоть копейку на эту войну, кто отдает жизнь сынов народа в руки империалистов. На этой конференции Ленин кликнул клич по всему миру, чтобы собрать остатки старых рабочих армий и перестроить их на новых основаниях, ибо стало ясно, что империализм, охвативший весь мир, зачеркивает сразу все старые программы, в том смысле, что он зачеркивает программу реформ, осуществимых в буржуазном строе, и ставит на очередь дня вопросы о борьбе за социализм целиком, за уничтожение частной собственности, за власть рабочих и крестьян.

Кто поднял на себя тяжесть оценить этот новый мировой уклон, новый поворот мировой истории и создать в соответствии с этим поворотом истории новую программу всего рабочего класса, кто, исходя из оценки новой фазы мирового империализма, сказал, что на очереди дня стоит не борьба за отдельные реформы, вырванные, как подачка, из рук буржуазии, а стоит задача уничтожения буржуазии, кто сказал, что эта буржуазия должна быть сметена с лица земли для того, чтобы не повторилась вновь эта кровавая война, что эта война не может закончиться миром между империалистами, и если

мы не хотим, чтобы она закончилась за счет крови и пота рабочих, то она должна кончиться новой борьбой, но борьбой всех рабочих против мирового союзного империализма? Изгнанный царем и буржуазией из России, Ленин, оторванный от своих непосредственных товарищей по борьбе, перед лицом представителей пролетариата всех стран ставит эти лозунги.

Все предатели рабочего класса, все наймиты буржуазии обрушились на Ленина. И повторился тот же самый старый спор между непримиримой революционной тактикой пролетариата и людьми находящимися на услужении у буржуазии. И этот спор, как все предшествовавшие, в которых Ленин, во главе коммунистической партии, выступал против оппортунизма, был решен самими рабочими массами, которые нашли свой путь,— путь социалистической революции, путь восстания против эксплоататоров, тот путь, на который с самого начала войны звала их партия Ленина.

VII.

Развитие революции в России, а затем развитие революции в других странах оправдало то, что казалось смешным и безумным бредом предателям, мещанам и трусам. Оно доказало, что был прав лишь один Ленин, поставивший на своем знамени превращение войны империалистов в войну угнетаемых против угнетателей, поставивший на своем знамени: „власть Советам! диктатура пролетариата!“ И этот лозунг, ставший лозунгом Владимира Ильича Ленина с первого момента, когда на арене русской истории появились рабочие массы, теперь подтвержден не только в русском, но и в интернациональном масштабе.

И не потому зовем мы Владимира Ильича вождем мирового пролетариата, что мы хотим этим дать ему какой-то чин или звание, а потому, что лозунги, выведенные им из опыта всего мирового движения и приложенные на практике к рабочему революционному движению в России, суммируют, подводят итоги всему мировому революционному рабочему движению в целом. Маркс, писавший по-немецки и опиравшийся при создании своей теории на английские данные, на самом деле предуказывал ход мировой истории не только в Англии и Германии, но и в России, Франции, Италии и Австрии, ход мировой истории, а не только национальной. Так же и лозунги, созданные на территории России и выношенные человеком, пишущим по-русски, написаны не только для России, но и для всего мира. Эти лозунги—диктатура пролетариата и создание республики Советов—и теперь вызывают насмешки и сомнения, даже со стороны людей, называющих себя социалистами, не говоря уже о бешеной злобе, которую эти лозунги вызывают со стороны мировой буржуазии, но каждый день

мировой истории, каждый час развития мировой революции предуказывает и предсказывает, что этот лозунг диктатуры пролетариата есть единственно правильный лозунг, отражающий не наши желания и не выдумку Ленина, а действительные желания, интересы массы рабочих и крестьян всего мира.

Когда Ленин при первом революционном кличе вернулся в Россию и когда он вступил на почву Петрограда,—а Петроградские мостовые неоднократно поливались рабочей кровью,—он провозгласил: „Да здравствует социалистическая мировая революция!“. И все тогдашнее буржуазное правительство, все буржуазное общество почувствовало: вот приехал враг.

Да, это были слова непримиримого врага буржуазии: вся буржуазия—русская и международная—почувствовала это. С того момента, как Ленин на площади Петрограда сказал перед десятками тысяч рабочих и солдат эти слова: призыв к рабочей революции—началась неслыханная травля Ленина во всем мире.

После того, как Маркс в 1871 году выступил—единственный—с защитой только что задавленной революции парижских рабочих, он писал в письме к своему другу: „Я теперь самый оклеветанный и ненавидимый человек в мире“,—в буржуазном мире, конечно. Уже через несколько дней после своего прибытия в революционную Россию Ленин мог повторить о себе эти слова Маркса.

Все свойственные буржуазии способы борьбы с врагами своего класса были употреблены против Ленина, начиная от газетной травли наемных писак, подложных документов, гнусных обвинений, подкупленных шпионов, натравливания бессознательной толпы—до тюрьмы и пули из-за угла. Почему? Верил ли кто-либо из тех, кто руководил травлей Ленина в то, что измышляла буржуазная пресса? Конечно, нет! Тут травили и стремились уничтожить не Ленина, а классового врага, человека, в котором весь буржуазный мир почувствовал своего сильнейшего противника, провидел своего могильщика. Тут дело не в имени, а в том, что буржуазия, над которой занесен меч пролетариата, старается отвести от себя удар хотя бы злобным укусом передового бойца.

Но даже в своей глубочайшей ненависти к Ленину буржуазия не смогла создать ничего оригинального. Против Ленина русская буржуазия не сказала ни одного оригинального

слова: все, чем она пыталась уничтожить влияние Ленина на массы, подорвать к нему доверие среди рабочих, — все это буквально повторяется буржуазией каждой страны против вождей восставших пролетариев. Вся ненависть, вся злоба, весь страх, которые охватывают буржуазию перед лицом коммунистической революции сосредоточились на Ленине. Она почуяла в нем того, кто поведет за собой массы трудящегося народа на последний решающий бой с эксплоататорами, и нет ничего странного, что она попыталась утопить его в грязи и клевете. Но и из этой жесточайшей борьбы Ленин вышел победителем: своей личностью, своим величием, своей преданностью делу Ильич победил даже умы своих классовых врагов: у его могилы они должны были признать в нем величайшего человека в человеческой истории, гиганта мысли и воли, наложившего несмываемый отпечаток на весь ход мировой истории.

Ленин, как только получил возможность говорить с рабочими и солдатами, заявил: на основании опыта мирового революционного движения, на основании учета того переворота в мировой истории капитализма, который произведен лучшими научными силами марксизма, я говорю: в России, как и во всем мире, на очереди стоит социалистическая рабочая революция. Что это значило? Это обозначало не только теоретическое рассуждение, — это значило открыть немедленно кампанию по мобилизации рабочих масс против того правительства России, которое, выдвинутое революцией, на самом деле служило орудием в руках западно-европейского империализма. Это значило сдернуть всю ту розовую занавеску, через которую рабочие, крестьяне и солдаты смотрели на фигуру меньшевиков и эсеров и на их империалистское правительство. Надо было иметь не только идейное мужество, не только суровое сердце, — надо было, как истинному пролетарию, не поддаваться никаким соблазнам буржуазного мира, чтобы через несколько недель после приезда в страну, которая была охвачена революционным восторгом, у которой закрылись от этого восторга глаза, сорвать эту занавеску и сказать: „вы обманываете солдат, которых повели в наступление, крестьян, которым, говоря революционные фразы, не даете земли, рабочих, уговаривая которых, сажаете им в министры капиталистов и не даете власть над производ-

ством“. Когда раздались эти слова Ленина, — они всех напугали, всех привели в смущение. Вся буржуазная пресса начала травить его, зная, что здесь дело идет не о Ленине. Они поняли, что здесь дело не в нем одном, что оно формулирует то, что бродит в массах, что если дать ему свободу, от массы скоро поймут, где правда, на стороне ли сладкоречивых „демократов“, меньшевиков, эсеров, которые обманом вели народ на службу империализма, или на стороне вождя коммунистической партии Ленина, который говорит: „Хорошо, что мы завоевали свободу, но, чорт возьми, мы эту свободу завоевали не для того, чтобы продолжать войну, кормить капиталистов и работать на помещиков! Мы завоевали эту свободу, чтобы свергнуть помещиков, прекратить войну, отобрать фабрики у капиталистов“.

Это была простая правда, без всяких прикрас, формулировавшая то, что было в самих рабочих массах. Поэтому она и казалась такой страшной. То самое правительство Керенского, которое после речи Ленина на I съезде Советов, когда он сказал: „Вы здесь разводите красивые фразы, а не умеете наладить производство, и я бы вам рекомендовал немножко пощупать капиталистов“, — заявило: „Ленин проповедует здесь тактику полицейского насилия“, — это самое правительство Керенского через несколько недель эту тактику насилия применило, но только не к капиталистам, как это рекомендовал Ленин, а к представителям коммунистической партии, к солдатам и крестьянам и к самому Ленину, в первую голову.

Был отдан приказ об аресте Ленина и других представителей коммунистической партии. На них натравливали белогвардейцев, юнкеров, буржуазные подонки. В канцеляриях буржуазных министров, в глубинах охранки и на задворках продажной прессы изготовлялись гнусные обвинения против всех нас, во главе с Лениным. Троцкий, Луначарский, Раскольников, я были брошены в тюрьмы. Ленин и Зиновьев должны были скрываться. Ленин перебрался на Выборгскую сторону, — эту крепость революционного пролетариата Петрограда—затем в Финляндию,—и скрывался в рабочих квартирах, продолжая усиленную работу революционной пропаганды. Рабочие скрывали и охраняли его от ищеек буржуазии,—он отвечал им неустанной проповедью восстания. В парике, побрившись, он

приходил к нам на тайные собрания, где обсуждались планы дальнейшей работы. На этих собраниях под руководством Ленина обсуждался и был принят весь план октябрьского переворота. Почти на 4 месяца—с июня по 25 октября—Ленин опять превратился в нелегального революционера и только октябрьский переворот дал ему возможность вновь выступить перед широкими массами, но уже в качестве главы рабоче-крестьянской власти.

Ход истории не мог остановиться, вопрос был поставлен резко и решительно: или русская революция станет орудием в руках союзнического империализма, или она выполнит то, что она в себе хранила, т.-е. освобождение пролетариата и беднейшего крестьянства. А это она могла выполнить,—только низвергнув империалистское правительство, какими бы названиями оно ни прикрывалось, и передав власть в руки пролетариата и крестьянства. Далее: пролетариат и крестьянство, взявшие власть в свои руки, не могли ее осуществить иначе, как в борьбе с буржуазией, а власть пролетариата, ведущего борьбу с мировой буржуазией, не могла быть иной, как диктаторской властью. Ход истории на каждом повороте подтверждал ту теорию, которая была создана Лениным путем соединения революционного учения К. Маркса с правильно понятым ходом развития революционного движения во всем мире.

Вы знаете дальнейшую историю нашей партии и дальнейшую роль Владимира Ильича в те дни, когда то, что он проповедывал,—осуществилось. Когда российскому рабочему классу нужно было найти, кому же вверить общее руководство политикой рабоче-крестьянского правительства, конечно, он должен был поручить ее Ленину, как человеку, который предуказал этот путь развития революции, который единственный в мире,—мы можем смело это сказать,—показывает нам гениальное соединение учения Маркса с революционным движением мирового пролетариата в новой обстановке, после краха империалистской войны, в эпоху начавшихся пролетарских революций.

Откуда же взялась эта сила у Владимира Ильича, откуда взялась эта способность, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, итти вперед к пролетарской победе?—Я думаю,

что два элемента соединились для того, чтобы создать фигуру нашего вождя. Наука знает, что каждый класс в каждый данный момент выдвигает людей, наиболее соответствующих общественному состоянию данного класса. Мы видели среди вождей рабочего класса Западной Европы всяких людей, мы видели разного типа пролетариев и интеллигентов, отражавших настроения рабочего класса. В те 10-летия, когда буржуазный мир заканчивал постройку национальных государств, когда после ряда революций буржуазное общество предалось нормальному строительству,—„нормальное“ здесь обозначает нормальное выжимание нормальной доли крови рабочего класса,—тогда среди рабочих масс создалось более или менее успокоенное настроение. Тогда казалось, что ход борьбы должен итти через парламентские трибуны, через агитацию, через книги, и один элемент был вычеркнут из тех методов борьбы, которыми рабочему классу приходится пользоваться,—этот элемент—революционное восстание вооруженного пролетариата. Правда, Маркс и Энгельс, который сам был в 1848-ом году в штабе повстанческих войск, написали немало книг и статей о роли военного искусства в деле освобождения пролетариата, но это забылось на практике и было затерто в теории, в пропаганде. 80, 90-е и 1900-е годы в Западной Европе представляют собою образец мирного органического развития. Правда, кровь текла и в эти годы, на фабриках, где падали рабочие, и в дальних колониях, где войска избивали отсталые народы, чтобы доставлять прибыль капиталистам. Но в Европе все казалось спокойно, казалось, что медленно и постепенно будет расти пропаганда социализма, с каждым годом будут увеличиваться количества голосов, будут расти рабочие союзы и понемножку буржуазный мир превратится в мир социалистический. Создалась целая теория такого постепенного внедрения социализма в капитализм,—теория оппортунизма. Но в тайниках этого мирного строя был заложен пороховой погреб и подготовлялся момент, когда все это внешнее благополучие распадется, как карточный домик, когда земля потрясется гулом орудий, покроется мертвыми телами, когда запылают города, разрушатся целые государства. Никому еще не рисовалась точно эта картина, которую несла с собой империалистская война, но история знала, что это идет, и она должна была подготовлять людей, готовых

стать во главе народных масс, пробужденных к жизни этим катастрофическим поворотом истории.

Мирный период кончился, и не в тот момент, когда загремела первая пушка, не 4-го августа 1914 года — бой начался раньше, но никто не видел еще, какие размеры примет разгоравшийся бой. И больше того. Те, которые начали империалистскую войну, думали, что им удастся благополучно ее кончить, и что они останутся в барышах. Но история сулила не так. Первый пушечный выстрел этой войны знаменовал не только империалистскую войну, но и крушение всего буржуазного мира, новый поворот истории, наступление мировой катастрофы. Никто не мог предсказывать, как пойдут события, никто не взял бы на себя сказать, что первая революция произойдет в России, вторая—в Австрии, третья—в Германии. Но Ленин знал, что новый период наступил в истории, что массы не вынесут этой войны, что наступила эпоха восстания пролетариата, подготовленная не пропагандой и не книгами, а заложенная в самой сути буржуазного строя, и что теперь нужно поставить на знаменах те лозунги мирового восстания наемных рабов и окончательного торжества труда, которые выставил еще Маркс и которые были выхолощены и опошлены в мирный период.

История подготовила вождя, и таким вождем новой мировой эпохи, человеком, отразившим в себе вулканическое состояние мировой истории, и явился Владимир Ильич Ленин. Он явился воплощением пролетариата, который буржуазия вырвала из обычного существования, бросила в кипящий котел мировой истории, и который хочет выйти из этого котла победителем, а не рабом буржуазии. Он воплотил в себе надежду всего пролетариата, потому что пролетариат верит в самого себя и верит, что еще один удар заступом, еще боевой напор, еще одно усилие, и идеи коммунистической партии станут идеями всего мирового пролетариата и осуществят на развалинах старого мира тот новый мир, в котором не будет войны, не будет эксплоататоров, в котором тысячелетние мечты о господстве самих трудящихся, наконец-то, найдут свое воплощение.

Вулканические, поворотные моменты мировой истории требуют людей стальных, решительных, не боящихся остаться в одиночестве, не колеблющихся, знающих, что раз решение

принято, то оно с железной дисциплиной должно быть осуществлено. Таким и был наш вождь. Но если во Владимире Ильиче Ленине воплощена стальная воля, разящий меч пролетариата, то в нем есть и другая черта—воплощенная в том слове, которое все теперь повторяют, быть может, не отдавая себе отчета в его великом значении. Это слово—„товарищ", оно стерлось, как монета от повторения, но это великое слово, воплощающее в себе тот будущий строй, при котором люди друг другу будут не волки, а товарищи, будут работать и жить дружной семьей. И вот в маленьких ячейках коммунистической партии, которая как капля воды, долбила гранитный фундамент буржуазного господства и которая вместе с Владимиром Ильичем Лениным десятки лет переживала победы, радости и разочарования, вот в этих маленьких ячейках мы учились в годы побед и в годы поражений ценить это слово „товарищ", и научились в этом стальном человеке, в вожде мирового пролетариата, ценить воплощение всех черт, составляющих содержание этого великого слова. Я не знаю другого человека, в котором чувство подлинной и действенной любви ко всем трудящимся и ко всякому трудящемуся человеку были бы заложены так глубоко и были так сильны, как в Владимире Ильиче Ленине. Разящий меч пролетариата и друг всех трудящихся,—вот тот человек, который призвал всех трудящихся к восстанию против гнета капитала и создал первое в мире и в истории государство победившего рабочего класса.

ЛЕНИН.

С концом XIX столетия кончается последний период „мирного“ органического развития капиталистического общества,— период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф: войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества, объясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г. — февраль 1917 г. — октябрь1917 г.). Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или иной программы, той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономики (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, революционное положение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания

крупнейших империалистических держав и революционным пробуждением Востока.

Вот в этой-то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного подъема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы, на переломе двух всемирно-исторических эпох, в стране, соединяющей властвующую Европу империалистов с миром порабощенного Востока колониальных рабов, — и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь **мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.**

После того, как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических буржуазных революций и на революционный опыт 40 — 60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бебель, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов) не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения, просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы — и это стало ясно уже задолго до 4 августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских трэд-юнионов, не на страницах „Neue Zeit“, а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против **царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.**

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи, здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко национальные рамки, рамки Российского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала. Французская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским капиталом и власть русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену,

заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетелли, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывались руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 25 лет больше, чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

17 лет назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: „Где в его программе гарантии от реставрации?“—Ленин отвечал: „Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе“.

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 г. И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледельческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии „штурмуют небо“, т.- е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870—1900 г. г. сложилась так, то учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием **объяснения** хода исторического развития и **прогноза** светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному **действию** масс, которые заключали в себе не объяснение истории, а **руководство для восставшего против буржуазии пролетариата**, забывались и вывертывались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди

дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса целиком, принужденный оставить против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой „бланкизма", „заговорщичества", „утопизма" отвергались западно-европейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса также непреложна и целостна, является таким же ничем не заменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя-инженера. Ее практические выводы (учение об обострении классовой борьбы, о гражданской войне, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего класса, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западно-европейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто неинтересно. А Ленин именно за эти части учения Маркса вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. он писал, что социалистическая организация должна быть готова к „подготовке, назначение и проведению всенародного вооруженного восстания", среднему социал-демократу Европы это не могло не казаться порождением варварски-отсталых условий борьбы в России. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, масса европейских рабочих именно в статьях, в работах и в опыте Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории, постоянная готовность остаться одному против „всех" — против „всех" на верхушках, за то в теснейшем единении с подлинными рабочими массами, — во имя „ортодоксального", т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического

движения. „Сектантство“ и „раскольничество“ — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же „сектантство“ и „раскольничество“ Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те именно непосредственно-революционные стороны марксизма, которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистической войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гед вели великолепную и плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Мильеранов. Ясно, однако, что плоскость и захват этой борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) — и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марксова учения, Ленин поставил на очереди сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непосредственного массового движения, которых те споры не затрагивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата — и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным — с одной стороны — и Бернштейном — с другой, а между Лениным—с одной стороны — и Плехановым, Каутским, Гедом и Бернштейном — с другой. В тяжелой, „сектантской“, „раскольничьей“ двадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись, и в борьбе росли против лучших представителей умиравшего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило, и через головы живых мертвецов протянуло руку вечно-живым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: „Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения“. Это было верно в 1901 году, это верно и сейчас.

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 гг. — за исключением краткого периода Парижской Коммуны — массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах ее благоустроенных городов в качестве хозяев и строителей жизни. Парламентарии замещали народ, а парламентские столкновения — уличную борьбу. Вопрос о власти, о насильственном перемещении власти из рук одного класса в руки другого был снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать за нее больше всего избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Затхлая атмосфера этого тупика заставила Розу Люксембург года за $1^1/_2$ до войны забить тревогу и вновь выдвинуть вопрос о непосредственных „массовых действиях“ рабочего класса. Между тем русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственых массовых действий, прямых столкновений с охранителями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается вопрос о власти, и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении „свобод“, о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были самыми насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти, массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, взвешивая в начале 900-х годов возможные формы борьбы пролетариата он защищал его в 1905—7 гг. он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции 1908—12 гг., он опирался на

него, чтобы вырвать власть из рук буржуазии в 1917 г., он положил его — и теоретически и практически — в основу строительства первого пролетарского государства.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что только непосредственное участие в историческом строительстве самих порабощенных миллионов трудящихся способно вывести человечество из тупика — естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всякой успешной политики в тот момент, когда мировая война вызвала к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд „реформистов" на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм. „Наступает—писал Ленин в 1906 году — период непосредственной политической деятельности „простонародия", которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества".

Написать эти слова в 1906 году значило переместить весь центр тяжести понимания европейского социализма, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, переходящего от предварительного собирания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к историческому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир — по слову Ленина—со всей своей „девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью",—разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема— проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов закутанная во все обманы мистики и метафизики.

„Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла

держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это—власть открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народный массы и ее воли".

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917—20 гг. на деле стал осуществлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвидением единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та **воля к победе**, без которой В. И. Ульянов не стал бы Лениным, и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться. У Ленина воля к победе, готовность взять власть не были чертой индивидуального характера,—**любви** к власти у Ильича не было ни на один грамм;—это было выражение **новых** настроений миллионов, коллективного, тяжкой ценой купленного сознания их, что без решительной победы, без завоевания власти, без готовности этой властью орудовать, как рабочий орудует молотом, нет выхода из тупика. Воля к победе, решимости победить, смелости взять на себя все — все без исключения—последствия решительной победы не было в европейском социализме 1870—1900 гг. Рабский страх перед

победой, социология трусов—остаются и до сих пор основным признаком мирового меньшевизма. Именно этот страх рабов перед собственной победой превращает меньшевистских вождей—по слову Ленина—из рабов капитализма в его холопов, в хамов и лакеев своих господ.

Ленин знал: для того, что выйти на широкую дорогу, рабочее движение должно прежде всего расстаться с этой психологией. „Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы „смеем“ победить“, — писал Ленин. Вот почему уже накануне первой русской революции, в 1905 г., перед лицом меньшевиков он ребром поставил проблему победы пролетариата.

„Смеем“ ли мы победить? Позволительно ли нам победить? Не опасно ли нам победить? Следует ли нам побеждать? Странный на первый взгляд вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись (-ятся. Л. К.) победы, отучивали (-ают. Л. К.) пролетариат от нее, пророчили (-чат. Л. К.) беды от нее, высмеивали (-вают. Л. К.) лозунги, прямо зовущие к ней“. Если гениальностью назвать умение выразить, сформулировать и сделать общепонятными мысль и чувство, зреющие в глубинах наибольшего количества людских существ и открывающие им новые исторические пути, — то перед нами именно такая гениальная мысль, охватывающая подавляющее большинство всего человечества, формулирующая его наиболее глубокие и потаенные чувства, единственно открывающая ему дорогу к будущему..

Реальным воплощением этой гениальной постановки вопроса был знаменитый ответ Ленина на вопрос о власти на первом съезде Советов в 1917 г., — ответ, предопределивший не только октябрьскую революцию, но и победу октябрьской революции. „Он (Церетелли, или Керенский, или кто-то еще: — история, запомнившая на веки ответ Ленина, уже забыла имя вопрошателя) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю — есть; наша партия от этого не отвертывается: каждую минуту она готова взять власть целиком“.

Этим, смехом и возмущением встреченным, заявлением воли рабочего класса к победе, решимости его взять на себя власть и все ее последствия от-

крывается новая эпоха в истории социализма и рабочего движения, а следовательно, и в истории судеб человечества.

Ленин всей своей личностью, своими идеями, своей работой не только воплощал новую эпоху рабочего движения с его революционным подъемом и „волей к победе". Он — победил на деле, что было труднее.

Ленин не только указал пути победы, он удержал плоды победы, что было еще труднее.

Эту победу он завещал нам развивать и расширять. Это можно сделать, лишь вооружившись оружием ленинизма.

